

ВЕРНУВШИЙСЯ со своих триумфальных лондонских гастролей, Аркадий Райкин представил новую программу. Сейчас он показывает ее московским зрителям.

У театра стало творение. Достаточно билеты невозможно. Так что, несмотря на корреспондентский билет, мне не удалось занять место в зрительном зале.

Новый спектакль театра Аркадия Райкина я смотрел из-за кулис. Никогда не представляла раньше, какой это гигантский и безупречный механизм — райкинский спектакль.

На сцене Райкин мгновенно меняет костюмы и маски. За кулисами кажется, что эти меновення растягиваются... Никакой суеты, четкие, сотни раз апробированные движения. Вот когда подтверждается поговорка «торопиться медленно!». Раз — в руках у костюмерши оказывается черный пиджак артиста. Два — он надел нужную по размеру куртку. Три — и на лице уже новая маска. (Впрочем, можно ли назвать маской жесткий парик, соединенный с искусно выполненным носом).

Ошеломляющий темп спектакля поддерживается в течение всего вечера. Райкин же доволен: «Быстрой, быстрой!»

Наконец — одна из интермеди, в которой он не занят. Кажется, можно уйти из-за кулис, хоть немножко отдохнуть. Он не уходит. Смотрит на партнеров и с попойкой прищелкивает пальцами. Темпераментно шепчет: «Громче же, громче!».

Зато, когда нравится, стоит молча и поглядывает вокруг улыбающимися глазами. Словно приглашает других разделить с ним радость.

Потом опять врывается на сцену в новом образе — улыбающийся, веселый. А я вижу, как тяжело дышит актер, на се-

кунду вернувшись из кулисы. Не выдерживая, спрашиваю: «Аркадий Исакович, почему вы не беретесь себя?».

— Беречь себя в искусстве невозможно, — говорит Райкин. — Когда актер выходит на сцену и думает сначала о своем здоровье, нервах, искусстве пропадает. Пока я работаю — здоров.

С годами в творчестве Райкина появляются новые черты. Раньше смех — веселый, злой, злостный — казался основной и, пожалуй, единственной стороной его дарования. Услышав «Райкина», люди невольно улыбаются. В новой программе «Волшебники живут рядом» (автор Хазин, постановщик Ту-

густайн) Райкин вспоминает желавшего. В зале сидят самые разные люди. Наша обязанность, чтобы все они ушли со спектакля задумавшись. Даже рассказанный в маленькой комманде анекдот все воспринимает по-разному. Кто-то переосмысливает, кто-то не понимает. Иной зритель тоже не всегда проникает в глубину того, что ему говорят со сцены. К нему нужно искать дорогу. Вы должны были заметить, что наш новый спектакль — острый, даже энциклопедический по форме — прежде всего очень челове-

(Райкин произносит это слово трижды). В астраданом искусстве тоже абсолютно действительна система Станиславского, созвучно которой актер оттачивает кивает от действительности. Конечно, когда человек приходит в какое-нибудь учреждение, то даже самый закоренелый бюрократ отнюдь не раскрывает ему всех своих недостатков. Но я наблюдаю. Я замечаю, как разговаривает он по телефону, смотрит на женщину с какой-то важной бумагой. В новой программе действует старичок-профессор. Я знаком с таким в жизни. Нада, читающий ребенку наставления о вреде вранья и сам не придерживающийся этих наставлений, — знаю я и такого. Да и вы тоже знаете. Ничего не придумываю — наблюдаю.

Программа «Волшебники живут рядом» построена на простом формальном приеме. Часто люди говорят: «Поставьте себя на мое место». Авторы и сделали это. Поставили одного человека на место другого. Сына — на место отца, профессора — на место студента. Ядровой бухгалтер, оказавшись на месте высокопоставленного начальника, не привыкшего самоустоятельно решать все вопросы, кроме футбольных, отнюдь не превращается в бюрократа. «Не место кричит человека, а человек место». Поэтому я и обратился с последним шуточным вопросом к собеседнику: — Аркадий Исакович, что бы вы спросили на моем месте у артиста Райкина?

— Я спросил бы его, действительно ли сатира — «легкий жанр»? И получил бы ответ: «Самый тяжелый». Самый тяжелый — потому, что он затрагивает самые серьезные проблемы жизни. Сатира подражает и преобразование действительности и пропаганду нового, и борьбу со старым, отжившим. Есть люди, которые любят оперу, есть, которые ее просто не любят. Просто не любить наш жанр нельзя — или любить, или ненавидеть. Часто, как геологи в тайге, мы прокладываем новые тропы в искусстве. Мы хотим, чтобы люди не только смеялись, но чтобы они задумались над глубиной мысли, над существом вопроса. «Легкий жанр» — тяжелый жанр.

Ростислав ПОСПЕЛОВ.

ПОСТАВЬТЕ СЕБЯ НА МОЕ МЕСТО...

тышкин) много удивительно смешных миниатюр. Профессор-старичок робко уговаривает студентов разрешить ему прыгать у них экзамен и со скорбной миной выслушивает их замечания. Муж ухаживает за женой и ее гостями — любительницами вымыть и сыграть в карты. Но в этой же программе Райкин играет старого интеллигента, совершенно отказавшись от сатирических красок.

— Мне хотелось, — говорит Райкин, — сыграть человека доброго, кристально честного, предельно верящего в людей. Такой образ в наших программах встречается не впервые. Вспомните хотя бы семейную пару, которая на спектакле с

чен. Рассказать о жизни человека — главная цель постановки.

Заглянем в программу нового спектакля. Райкин — докладчик, директор учреждения, бюрократ. Из года в год играет Райкин этих бюрократов, министров, демографов. И не повторяется. Несколько секунд живет на трибуне в прологе спектакля докладчик. Оживленно жестикулирует, произносит несколько избитых фраз, а зритель может уже рассказать о нем многое. Знает его привычки и характерные жесты, по взгляду на других героев угадывает его симпатии и антипатии. Как протекает у Райкина процесс работы над образом?

— В каждой миниатюре меня интересует прежде всего явление, которое стоит за героем. Нет просто бюрократа, есть бюрократ с фамилией, именем, биографией. Может быть, даже не на работе он чудесный человек, милый, добрый, душа общества. Поиск индивидуальной характеристики персонажа, которая поможет лучше выявлению содержания миниатюры, составляет один из главных моментов работы над образом.

Что помогает актеру уловить наиболее характерное в людях? Наблюдательность, наблюдательность и наблюдательность.